

Марк Садовников

Анна Данилова

Печальная принцесса

«Автор»

Данилова А.

Печальная принцесса / А. Данилова — «Автор», — (Марк Садовников)

Лучшая подруга безумно завидовала ей. Жены любовников люто ненавидели. Призрак постылого мужа каждую ночь мучил кошмарами. И вот прекрасную как цветок Лилию нашли задушенной. Художница Рита вместе с мужем Марком Садовниковым сначала теряется в многообразии версий и подозреваемых. А правда спрятана на дне заброшенного колодца. Именно там, в родной деревне Лили, произошла трагедия, повлиявшая на весь дальнейший ход событий...

© Данилова А.

© Автор

Содержание

1	6
2	7
3	11
4	15
5	19
6	22
7	24
8	27
9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Данилова Печальная принцесса

Дорогой читатель Митес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитесь, познавайте и
используйте возможности в
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (франц.)

1

– Знаешь, Марк, я сегодня встретила одну девушку. Приятную, совсем молоденькую, но у нее было такое выражение лица... Даже не знаю, как сказать. Понимаешь, она много пережила, но не вообще, а словно бы недавно. У нее трагическое выражение лица – вот именно трагическое. Словно она потеряла кого-то, очень ей близкого. Хотя, с другой стороны, она старается жить дальше, будто ничего и не произошло. Думаешь, я все это придумала? Вот если бы ты сам увидел ее, то понял бы меня. Я уверена, что ты, встретившись с ней взглядом, увидев ее в толпе, непременно прореагировал бы, может быть, даже остановился. Понимаю, тебе сейчас не до меня, у тебя, как всегда, полно дел, причем весьма серьезных. Ты не подумай, я вовсе не иронизирую, нет, просто мне иногда хочется поговорить с тобой, рассказать что-то, поделиться впечатлениями, как ни банально это звучит. Да, да, и не смотри на меня так, ты совершенно прав – я хочу снова увидаться с этой девушкой. Быть может, это нехорошо – вот так навязываться и лезть в душу, но я хочу проверить свои мысли и впечатления. Марк, ну не молчи! Понимаю, что не очень-то вежливо разговаривать с набитым ртом, но лучше уж так, чем совсем молчать. К тому же еще эта дурацкая газета, которой ты от меня закрылся. Ма-арк! Ну? Скажи, что ты не против того, чтобы я поработала с этой девушкой, ну, пожалуйста...

Рита сидела за кухонным столом и разговаривала, обращаясь к чашке с остывшим кофе. Марк, ее муж, следователь прокуратуры, еще ночью выехал по звонку: убийство.

– Э-эх, Марк, как жаль, что ты так редко бываешь дома! Представляю, как бы ты обрадовался, если бы услышал, как я прошу у тебя позволения написать портрет понравившейся мне девушки. Смешно, честное слово. Но, с другой стороны, я отлично понимаю тебя. Ладно. Еще немного таких утренних или, наоборот, ночных разговоров с чашкой – и можно записываться на прием к психиатру.

Рита вымыла чашку, убрала ее в буфет, вернулась в спальню, где под розовым одеяльцем спала маленькая Фабиола, ее новорожденная дочка. Малышка безмятежно посапывала во сне и словно приглашала Риту последовать ее примеру.

– Ладно, Оля, я тоже посплю. Знаешь, я так благодарна тебе за то, что ты у меня такая соня. Если бы ты видела свою будущую подружку, Дашку, дочку Миры, такую же кроху, как и ты, и послушала ее рев, то поняла бы, почему я отношусь к тебе с особой нежностью. Ты же у меня просто идеальный ребенок! Вот жаль только, что разговаривать пока не умеешь.

Так, разговаривая, по сути, сама с собой, Рита улеглась в постель, накрылась с головой одеялом и закрыла глаза. Волна теплого и невыразимого счастья накатила – и потянула ее за собой в сладкий утренний затяжной сон.

2

Девушка повесилась на дверной ручке, как повесился однажды приятель Марка, разочаровавшись в любви и в жизни вообще. Только Миша повесился на галстуке, а девушка, которую при жизни звали Лилей, сделала это при помощи нейлонового чулка, обмотав им свою нежную шею. Марка вызвали рано утром, он даже выпить кофе не успел, не говоря уж о завтраке. И теперь, сидя за столом в маленькой комнатке, где жила девушка, и опрашивая соседей, он подумал вдруг о том, что жизнь, в сущности, состоит из стольких приятных вещей (чашка кофе утром, к примеру, или поцелуй Риты), что вешаться в таком молодом возрасте, да еще и с такой внешностью – настоящая глупость. Девушка сидела, привалившись к дверному косяку, и, прикрыв свои мертвые глаза, казалось, продолжала о чем-то думать – настолько сосредоточенно и в то же самое время иронично смотрело куда-то в пространство ее подпорченное маской удушья лицо. Марк подумал, что сейчас Лиля – единственная из всей толпы, собравшейся на лестнице, видит то, чего не могут пока увидеть остальные – возможно, туманы долины смерти, куда рано или поздно придут все.

Длинные светлые волосы, зеленые глаза, полные выразительные губы, длинные руки, повисшие вдоль тела, длинные ноги, согнутые в коленях и слегка раздвинутые, едва прикрытые подолом теплого домашнего платья. Она была высокой, эта девушка Лилия, и хорошо сложенной. И почему такие девушки позволяют себе уходить из жизни из-за какой-нибудь ерунды вроде неудавшейся личной жизни, и почему отчаяние охватывает их с такой силой, что у них не хватает мужества жить дальше или попытаться хотя бы разобраться в себе и понять, что жизнь все-таки дается один раз? Но это все философия. Реальность же такова, что с минуты на минуту тело этой несчастной Лилии осмотрит судмедэксперт, после чего его уложат на носилки и увезут в морг, где произведут вскрытие.

Марк посмотрел в окно – ветер хлестал в стекла мокрым снегом и дождем, над городом нависли акварельные, размытые темно-серые тучи, а солнце укатилось прочь, не оставив ни единого теплого луча. Да, в такую погоду, пожалуй, склонный к депрессии человек от одного взгляда в окно взвояет и забьется под одеяло, заскулит. Если же его, одинокого, в этот момент еще и предали, оскорбили, унизили или просто бросили за ненадобностью, как ненужную вещь, то новый нейлоновый чулок – просто спасение...

Он вышел из комнаты на лестницу, поднялся на один пролет, протискиваясь между толпящимися на ступенях соседями, и позвонил домой. Спросил Риту, как дочка. Ему просто необходимо было услышать голос жены, ее дыхание, он словно набирался сил, пытаясь представить себе ее, сидящую на кровати с Фабиолой на руках и кормящую дочь грудью. Дома все было спокойно и радостно. Марк подумал о том, что он непозволительно счастлив, и, едва дыша от переполнявших его чувств, вернулся обратно в ад, в комнатку, где продолжала вглядываться в туман долины смерти девушка Лилия. Марку вдруг захотелось взять ее за плечи и встряхнуть как следует, надавать по щекам, чтобы привести в чувство, оживить и объяснить ей, дурухе, как же много она потеряла, повесившись на чулке, вместо того чтобы, скажем, родить ребенка.

– ...Ее мужчина бросил, – вдруг услышал Марк и с любопытством уставился на сидевшую перед ним женщину, соседку.

– Мужчина?

Она кивнула головой. Так он и знал, что смерть вызвана желанием избежать продолжения нестерпимой боли, которую этой яркой блондинке причинил мужчина.

– Она давно живет в этой квартире? – спросил Марк.

– Она снимает комнату, это не ее квартира. Катя пустила ее к себе, не помню точно когда. Вот они вдвоем и живут.

– Они не ругались?

– Кто?

– Катя и Лиля? – Марк записал в блокноте: «Фабиола – мой цветок, я обожаю тебя, моя малышка».

– Нет, что вы, они жили мирно. Правда, время от времени Лилия съезжала с квартиры, думаю, она иногда жила в каком-то другом месте, с мужчиной.

– Расскажите все, что вы знаете об этом. О Лиле, о ее мужчине, о ее приятелях, подругах.

Судмедэксперт Борис Григорьевич Анджан сделал ему знак, Марк подошел к нему, и они вместе встали у окна, подальше от любопытных ушей.

– Возможно, перед тем как повесить девушку на дверную ручку, кто-то придушил ее, – сказал внешне бесстрастно Анджан.

Брови Марка взлетели вверх.

– Вот, смотри, видишь, следы пальцев? Если окажется, что повреждения горла характерные, как при удушении руками... Словом, я-то, сам понимаешь, никуда не тороплюсь, поэтому подождем, что покажет вскрытие и более тщательное обследование. Марк, но ты только посмотри, что ни женский труп – то красotka!

Борис говорил это чуть слышно, так, чтобы никто из находившихся поблизости не мог услышать его слова.

– Красивые женщины словно притягивают к себе смерть, преступления. Не думаю, что такую красивую девушку могли придушить из-за денег, скажем, или по политическим мотивам. Любовь! Собственнические замашки мужика, который не мог смириться с тем, что она не принадлежит ему.

Марк был с ним полностью солидарен. Вернувшись к свидетельнице, охотно дающей показания, Марк снова достал блокнот, все последние страницы которого были исписаны его нежными признаниями, обращенными к новорожденной дочери. Ему казалось, что именно это и есть самое главное, ради чего он, собственно, и живет, работает, рискует жизнью и проводит так много времени вне семьи. «Я изменился, я сильно изменился, – написал он, слушая свидетельницу. – Я стал внимательнее к людям, чувствительнее, слабее. И все это из-за тебя, моя Фабиола».

– ...Потому что мои окна выходят на улицу, и мне все было слышно, да и видно. Они приехали вдвоем: мужчина и женщина. Мужчина сразу вышел из машины и направился к подъезду. Было поздно, около половины первого ночи. Я и раньше видела этого мужчину и эту машину и знала, что он приезжает к Лилечке, вы бы только видели, какая это была прекрасная пара. Но разве я могла предположить, что он женат? И что он придет к ней вместе с женой?!

– Почему вы решили, что это его жена? – машинально спросил Марк, рисуя в блокноте пышную розу.

– Сначала трудно было понять, кто она такая. Но когда Лилечка с воем выбежала из подъезда и вдруг набросилась на нее, сняла с ноги шлепанец и принялась бить им в каком-то исступлении по голове этой женщины...

– Может, это была все-таки не жена?

– Лилечка твердила: «Он тебя не любит, не любит, живет с тобой только ради детей. Я ненавижу тебя, ненавижу!!!» Вот так она кричала, была сама не своя от чувств. Я все видела и, к сожалению, ничем не могла ей помочь.

– Когда это было?

– Приблизительно неделю тому назад, – самым серьезным тоном ответила соседка. Марк рассмотрел ее: средних лет, полненькая, чистенькая, с острым взглядом, не дура. – Я еще тогда подумала (господи, прости!), как бы соседка моя от горя, что ее бросили, руки на себя не наложила. И вот вам пожалуйста! Повесилась.

Подбородок женщины затрясся, и Марк подумал, что она, быть может, вполне искренне переживает за погибшую девушку.

– А чем она занималась?

– В магазине работала, в отделе косметики и парфюмерии. Сама как кукла была и в косметике разбиралась, покупатели ее очень любили.

Она вздохнула, и тут Марк понял, что такие вот соседки, как эта женщина, не могут все же искренне относиться к людям: они постоянно играют и находятся в том хронически-любопытствующем возбуждении, которое и составляет смысл их жизни. Вот: умерла соседка. Повесилась. Один подбор слов чего стоит! А если рассказать обо всем этом своим подружкам-приятельницам посочнее, покрасочнее, напустить туману, заинтриговать, стать на какое-то время в центре внимания!

– Вы заявили, что она в косметике разбиралась. Что вы хотели этим сказать? – холодно вато спросил Марк, желая понять, к чему были приведены эти подробности. Неужели только для того, чтобы преподнести образ покойницы с наилучшей стороны, пусть даже речь пойдет о ее профессиональных достоинствах?

– Да дело даже не в косметике, вы правильно подметили, просто я не так выразилась. Я хотела сказать, что она умела с людьми разговаривать, никогда не ставила их в дурацкое положение, как это у нас часто бывает в дорогих магазинах. Я сама лично бывала у нее, и она мне всегда давала понюхать духи, накрасить губы. Она была, с одной стороны, вроде бы и простая, я бы даже сказала, деревенская...

– Стоп. В этом месте – поподробнее. Почему деревенская?

– Да потому, что она приехала из деревни. Мне Катя говорила.

– А из какой деревни?

– Из Хмелевки, кажется.

– Извините. Я перебил вас. Вы сказали, что она с одной стороны – деревенская, а с другой?

– Ну, а с другой – городская, чистая такая, ухоженная, умела себя подать. Вот что я хотела сказать.

– А где же хозяйка квартиры?

– На работе. Где же ей быть?

– Вы не могли бы назвать ее фамилию?

– Могу. Катя Пышкина. Правда, замечательная фамилия?

Марк пожал плечами. Действительно, фамилия интересная, пышная, румяная и присыпанная сахарной пудрой.

– А ей самой не нравится. И вообще, вы не представляете себе, какие они были разные.

– Кто?

– Катя и Лиля. По-разному относились к жизни.

– Можно поконкретнее?

– Катя более основательная, серьезная и какая-то озабоченная, что ли. А вот Лилечка – совсем другое дело. Веселая, праздничная... не знаю, как сказать. Словом, когда на душе кошки скребли, то лучшего собеседника, чем Лиля, найти было трудно.

Марк поймал себя на том, что ему нравится разговаривать с этой женщиной. Они в беседе о погибшей продвинулись не так уж и далеко, зато он много узнал о самой жертве. Веселая, праздничная...

– Вы вот сказали о ней, что она была кем-то вроде ходячего праздника на каблуках. Так?

– Так. Вы напрасно иронизируете.

– Понимаете, и вы же рассказали мне об ужасающей сцене, свидетельницей которой стали неделю тому назад, или я ошибаюсь? Ведь это Лиля била башмаком по голове свою соперницу?

– Да. Вы правы. И я не сказала бы, что она это делала весело. Конечно, она живой человек, и ей, как и всякой другой женщине, которую бросили, надо было дать выход своим чувствам.

– А что бы вы сказали, если бы вдруг узнали, что это не самоубийство, что вашу соседку, скажем, убили? – Марк поскреб ногтем щеку, успевшую стать за несколько часов с момента последнего бритья колючей.

– Она слишком тихо жила, чтобы ее понадобилось кому-то убивать. У нее не было ни денег больших, ничего такого, что могло бы привлечь вора. Да и мужчины, с которыми я ее видела, все вроде бы порядочные, при костюмах-галстуках. Это я так. Образно выражаясь, ну, вы меня поняли. То есть не бандиты. Но люди не бедные. И, судя по тому, что она, бедняжка, так и не успела выйти замуж, женатые.

– Вы фамилию ее знаете?

– Знаю. Бонкова. Лиля Бонкова.

Тело унесли. Соседка ушла, Марк дал ей на всякий случай свою визитку. В комнату вошла женщина с заплаканными глазами.

– Вы – следователь?

– Да. Моя фамилия Садовников. Марк Александрович.

– Я тоже соседка. Как и Вера Ильинична. Только живу через стенку от девчонок – Кати и Лили. Это я нашла Лилечку. Страшная смерть! Так нелепо – сидеть на полу, вытянув ноги, с чулком на шее! Она никогда бы не поступила так, слышите? Никогда. Даже если бы ее сбросили с небоскреба, она бы думала о том, как будет смотреться на асфальте. Как в анекдоте...

– У вас есть что рассказать?

– Есть. Ее убили! Это я точно знаю.

3

– Вы вот сказали, что у меня необыкновенное лицо, что оно исполнено душевной боли, так? Вы правы... У меня вообще такое чувство, словно все, что происходит со мной, – сон. Кошмарный сон. И это потрясает, что сейчас, когда мне так плохо и я не могу оставаться дома одна, вы, словно чувствуя это, пригласили меня к себе, попросили попозировать. Получается, что кто-то там, наверху, не хотел, чтобы я и дальше страдала, и послал мне вас, Рита. У вас здесь тихо и спокойно, никого, кроме нас двоих, нет, я могу быть уверена, что нас никто не подслушает?

Рита покачала головой. В мастерской были только они, маленькая Фабиола спала в доме, и стоит ей только проснуться и подать голос, как с помощью «электронной няни» ее тотчас услышат.

Рита привезла натурщицу в загородный дом, в новую мастерскую, и теперь, чувствуя, что ей попалась интересная собеседница, вполне созревшая для того, чтобы поделиться своими мыслями и чувствами, художница радовалась тому, что ей хотят довериться. Ей не терпелось проверить предположение относительно того, что эта девушка потеряла кого-то близкого, и предложить ей свою помощь. Верно ли она истолковала выражение ее лица, ее взгляд и даже болезненный цвет кожи?

– Я не помешаю вам работать своими разговорами? – внезапно встрепелась девушка.

– Успокойтесь, Катя. Здесь, как вы правильно заметили, кроме нас двоих, никого нет и не будет в течение еще нескольких часов, пока не вернется мой муж. И я буду рада, если предложение пожить у меня какое-то время, пока я не закончу ваш портрет, позволит вам пережить тяжелый для вас период. Но вы заинтриговали меня, честно говоря.

Рита смотрела на совершенно белый лист бумаги, на котором она собиралась потренироваться углем, мысленно набрасывая черты лица девушки и пытаясь увидеть не существующие пока линии, штрихи, тени. Это было особое состояние, когда картина рисовалась где-то внутри, наполняясь многочисленными и обманчивыми чертами, в сущности и составляющими портрет. Эта внутренняя работа требовала, помимо вдохновения и сосредоточенности, еще и элемента любви, интереса к натурщице.

– Я бы могла, конечно, начать свой рассказ с описания нашей первой встречи с Лилей, но тогда, думаю, исчезнет то особое чувство утраты и трагичности, которое теперь, когда ее нет, только усилит впечатление и заставит вас воспринять некоторые детали ее биографии особым образом.

Рита с трудом заставила себя промолчать, испытывая в душе странное, с примесью стыда, чувство удовлетворения после того, как она узнала, что не ошиблась: Катя на самом деле кого-то потеряла.

– Она повесилась. Этой ночью. Мы были с ней близкими подругами. Жили вместе. Она снимала у меня комнату. Мне казалось, что я так хорошо ее знаю... Много всего было, и хорошего, и плохого. Но я никогда бы не предположила, что она способна на такое.

Рита и на этот раз промолчала, посчитав, что ее возможная, вызванная желанием не показаться черствой, дежурная реакция на эту «новость» («Да что вы такое говорите?!» или «Какой ужас!») лишь помешала бы рассказчице продолжать говорить. Она лишь выразительно посмотрела на нее, широко раскрыв глаза, давая ей понять, что она удивлена, поражена, потрясена услышанным: не каждый же день слышишь, что уходит из жизни молодая девушка.

– Я вернулась домой под утро. Честно говоря, у меня было свидание, но я никогда не высыпаюсь в чужой постели.

Такая откровенность обескуражила Риту, она снова взглянула на белый лист бумаги и только теперь вдруг поняла, увидела, как белое пространство начинает постепенно заполняться

бликами и тенями, как проступают некоторые, самые яркие черты лица. Работа пошла. Легким движением угольной палочки она только повторила, закрепила, сделала реальным и видимым увиденное лишь ею.

– Я вот тоже высыпаюсь только дома, – поддержала Катю Рита.

– Вот и представьте себе. Я открываю дверь ключом, иду на цыпочках по коридору до своей двери, прохожу мимо полураскрытой Лилиной – и невольно поворачиваю голову. Я никогда не забуду эту картину! Лилия сидит на полу... Вроде бы куда-то смотрит, но на самом деле она уже ничего не видит. Лишь глаза полураскрыты. Вы бы видели ее, какая она была при жизни! Вот уж точно, вы прошли бы мимо меня и остановили свой взгляд на ней. Она настоящая русалка: длинноволосая, зеленоглазая, и все в ней такое нежное, длинное, утонченное, ни за что не скажешь, что она – деревенская девушка.

– Вы же сказали, что она повесилась. А теперь говорите, что она сидела на полу, – вернула ее в реальность Рита. Рука торопилась обессмертить линии, уголек нежно царапал бумагу.

– Странно, да? Я тоже сначала ничего не поняла. Подумала, что она просто напилась. Хотя она никогда не злоупотребляла. Мартини ей, правда, нравилось, еще шампанское и, конечно, пиво в жару. Она всегда говорила, что жажду хорошо утолять только пивом, и она, я думаю, по-своему была права. Так вот. Я подошла к ней поближе, позвала ее, я же не знала, что она умерла. Опустилась перед ней на колени, взяла ее руку в свою, хотела как бы пожать ее, поддержать, что ли. Дело в том, что в последнее время у нее было не все в порядке. Она так много настрадалась, бедняжка, так много плакала! Но об этом потом. Понимаете, я взяла ее руку в свою, и она оказалась совсем холодной. И только потом, подняв глаза, я увидела на ее шее чулок. Такой... прозрачный или, можно сказать, телесного цвета, не могу сказать, что я видела все ее чулки, но такой, как мне показалось, увидела в первый раз. Получается, что она его как бы специально купила. Потому что рядом на полу же валялась коробка, а в ней – новый чулок, он выскользнул из коробки, словно змея. Я еще подумала тогда (вот дурочка-то!), что она могла бы воспользоваться своими старыми черными чулками или даже колготками, зачем покупать новые-то? Представляете, что может прийти в голову в такую минуту?! Вообще-то это довольно странно. Она обвила шею чулком, петлей, а потом, вероятно, удавилась под тяжестью собственного тела. Выбрала такой вот способ. Это чтобы не покупать пистолет, не вбивать крюк в потолок, не вешаться в туалете, над унитазом, привязав чулок к трубе...

– Что было на ней надето? – вдруг спросила Рита, которой, для того чтобы представить себе полную картину, не хватало такой важной детали, как одежда.

– Вот и я подумала. Почему на ней домашнее платье? Не хватило сил нарядиться? Вот вы слушаете сейчас меня и думаете, что я черствая, мне в голову лезет всякая чепуха. Но я не черствая, просто меня тогда как-то заклинило, что ли. А потом, когда до меня наконец дошло, что Лилия покончила с собой, что она мертвая, я, вместо того чтобы вызвать милицию или «Скорую помощь», сбежала. Дверь оставила открытой, рисковала, конечно, понимала, что воры могут забраться, но, с другой стороны, у нас очень бдительные соседи. Словом, я подумала: если соседка утром выйдет выбрасывать мусор, то непременно увидит, что дверь не заперта, непорядок. Сначала позвонит, потом позовет меня или Лилию и, если никто не ответит, войдет. Это нормально, тем более что мы ей вполне доверяем, она хорошая женщина. Думаю, так оно и вышло.

– Вы хотите сказать, что не уверены в том, что о смерти вашей подруги известно в милиции? – тихо, стараясь не выдать своего возмущения, спросила Рита.

– Я не чувствую своей вины перед Лилей, – каким-то грустным голосом отозвалась Катя. – Вот если бы она была больна или ранена и я оставила бы ее, тогда другое дело. А так... Мне надо было побыть одной, прийти в себя. Да и вообще – я боюсь.

И она неожиданно заплакала.

– Я покойников боюсь, не представляю, как вообще теперь буду там жить!

– Как вы с ней познакомились?

В тишине сухо и мягко шуршал уголек.

– Ах... это? – Катя достала платок из кармана джинсов и промокнула глаза.

Рита подумала, что она тоже, вероятно, хотела бы иметь длинные светлые волосы, зеленые глаза (сейчас лицо натурщицы освежали большие, пусть и заплаканные глаза с изумрудными линзами), вот только роста она была невысокого, да и черты лица были мелковатые, мышинные. Должно быть, погибшая подруга Лиля была много ярче, интереснее.

– Понимаете, это случилось больше года тому назад. Это со стороны может показаться, что мне повезло: моя тетка умерла и оставила мне квартиру. Нет, это случилось гораздо раньше, просто полтора года тому назад я познакомилась с Лилей. Что-то я путано рассказываю. Значит, так. Я жила одна в двухкомнатной квартире, на Вавилова. В том самом доме, где внизу гастроном, может, знаете?

– Знаю. Оттуда недалеко до драмтеатра.

– Точно! Так вот. Дела мои шли неважно. Моя мама живет в Краснодаре. Вышла замуж, у них свой дом, сад. Она время от времени присылает мне посылки или денежные переводы. Не так часто, но все равно. Зовет меня к себе, но я-то понимаю, что она это делает скорее из вежливости. Ну, посудите сами, зачем ей я, когда у нее есть молодой муж, ребенок, мы с ней уже сто лет как не виделись.

Рита словно в знак протеста раздавила в пальцах уголь, сдунула черную пыль, покачала головой. Но комментировать не стала. Мало ли какие отношения сложились у матери с дочерью. Не все же так любят друг друга, как в их семье.

– Вы сказали, что ваши дела шли неважно. Что вы имели в виду?

– В магазине, где я работаю, в рыбном на проспекте Кирова, шел ремонт, нас всех отпустили, а я не знала, не подготовилась, взяла стиральную машинку в кредит. Словом, у меня началась черная полоса – в денежном смысле. Кто-то мне подсказал, что я могу сдать комнату какой-нибудь студентке. Понятное дело, что я не собиралась давать объявления, мне это ни к чему, я хотела по знакомству, может, думаю, кому-то нужно. Я своим девчонкам из магазина сказала, тем более что квартира-то центровая, близко и до педагогического института, и до университета. Но как-то не получалось, никто не приходил, не звонил, и тогда я сама, от руки, написала всего лишь одно объявление, что сдается комната, недорого. И наклеила на вокзале, на столбе. Подумала, придет кто-то иногородний, поступать или на работу устраиваться. И, представляете, в этот же вечер мне позвонили. Я услышала женский голос, мне он показался приятным, молодым. Мы договорились о встрече, и уже через полчаса в дверь позвонили. Открываю я, значит, дверь, и что же я вижу? Стоит девица, размалеванная, как деревенская мымра, на лице – килограмм крем-пудры, фиолетовые тени, размазанная по губам жирная помада яркого вишневого цвета, словом, жуть. Я обомлела, но впустить впустила. И уже через несколько минут поняла, в чем дело – у нее, оказывается, было разбито лицо. И она, бедолага, пыталась его заштукатурить, замазать синяки и кровоподтеки. Она, что мне понравилось, никогда ничего от меня не скрывала, рассказывала о своих тайнах обыденным, спокойным тоном, как бы констатируя факт: мол, муж побил. Объяснила, что давно собиралась развестись с мужем-пьяницей и вырваться из деревни, Хмелевки, пожить в городе, найти работу и, если получится, выйти замуж за приличного человека, родить детей. Программа-максимум, вполне нормальная, надо сказать. И этой самой откровенностью она сразу расположила меня к себе. Отсутствие манерности или желания как-то приукрасить свою жизнь, скрыть какие-то постыдные факты из своей жизни – все это сильно импонировало мне. Но сразу скажу: я почувствовала, что она, Лиля, эта деревенская дурында, какой она мне тогда показалась, со всеми своими проблемами и планами, стала очень удобным фоном для моих несчастий. Другими словами, на ее фоне моя жизнь показалась мне не такой уж и беспросветной.

– Ты поняла это сразу? – Рита неожиданно для себя перешла на «ты». Подумалось еще: главное, чтобы плавная и мирная беседа не перешла в допрос.

– Да. Ее несчастья и разбитая морда стали для меня глотком свежего деревенского воздуха. Понимаю, выразилась грубовато, тем более что Лиля этого не заслужила, но я же говорю правду, то, что было.

– Неужели временное отсутствие денег стало для тебя таким уж бедствием? Ну, заняла бы у кого-нибудь до хороших времен, – пожала плечами Рита, для которой проблемы денег в последние несколько лет не существовало вообще. Но спохватилась она уже позже, когда услышала следующие откровения своей натурщицы.

– Честно скажу, когда у меня заканчиваются деньги, я схожу с ума. Мне становится страшно, и в голову лезут почему-то самые мрачные мысли. К примеру, вот заболею, да пусть даже самый простой аппендицит придется вырезать, а у меня за душой ни копейки. И все в таком духе. Быть может, потому я такая запасливая, всегда покупаю осенью картошку, морковь и свеклу впрок и ем ее почти до следующего сезона. Словом, надеюсь только на себя.

– А что, в этом что-то есть, – философски заметила Рита, срывая лист и укрепляя на мольберте натянутое на раму белое загрунтованное полотно. – Вот, можешь взглянуть на эскиз. Мне кажется, я уловила самое главное в твоём лице.

Она подошла и протянула окаменевшей натурщице рисунок. Катя с растерянным видом рассматривала его, потом улыбнулась слабо, после чего кивнула головой:

– Здорово.

– Просто потренировалась. Ты не устала?

– Нет. Может, чаю?

– Можно.

В эту самую минуту раздался детский плач, сработала «электронная няня», и Рита, забыв обо всем на свете, бросилась в сторону детской.

4

– Думаешь, это все-таки убийство?

– Так, во всяком случае, сказал Борис, вернее, предположил. Надо будет подождать результатов экспертизы. Но я тебе так скажу: не самый удачный выбор способа убить себя. Сама подумай, не проще ли было бы удавиться обычным способом, то есть укрепить веревку или тот же чулок повыше, чтобы одним махом, так сказать. Вместо того чтобы усаживаться на пол и...

Тут Марк понял, что все то, что он сейчас говорит, – чудовищно и что, вместо того чтобы наслаждаться вкусной едой, приготовленной Ритой, и тем райским покоем, которым дышит их тихий загородный дом, он произносит вслух слова, имеющие прямое отношение к смерти, к трагедии, к тому кошмару, который существует вне их дома, вне семьи, где-то далеко и, слава богу, не с ними. Да и нужно ли теперь, когда Рита кормит ребенка, говорить о делах, да еще и таких страшных?

– Марк, ты что замолчал-то? – Рита поставила перед ним тарелку с горячими пельменями и соусник со сметаной. – Ну? И почему так смотришь на меня? У меня лицо в муке, что ли?

Она улыбнулась, и Марк понял, что Рита не сердится на него, напротив, она, похоже, интересуется им и его делами по-прежнему, как это было до ее беременности, до родов.

– Марк, если ты думаешь, что я говорю с тобой о твоём деле из вежливости, то ты ошибаешься. Мне на самом деле интересно все то, чем ты занимаешься, и брось свои сомнения и дурацкие предположения. Я же поняла, что с тобой только что произошло: тебе показалось, что ты не должен говорить мне о повешенной девушке. Вспомни, как хорошо нам работалось вдвоем, как я помогала тебе. Теперь у нас Фабиола, но я уверена, что, когда она вырастет, поймет, зачем ты пошел работать в прокуратуру, и будет гордиться своим отцом. Поэтому ешь спокойно и продолжай рассказывать об этой девушке. Может, и у меня возникнут какие-нибудь полезные для тебя мысли. Только сначала я должна тебе кое в чем признаться.

Марк тотчас напрягся. Что могло случиться в его доме, пока он отсутствовал? Может, от него скрыли болезнь дочери или с Ритой не все в порядке? Ему показалось, что в кухню залетел прохладный колючий ветер.

– Марк, я предупреждала тебя, что рождение ребенка не станет причиной, по которой я превращусь в клушу и перестану работать.

Марк достал платок и промокнул им лоб. Он сразу все понял. По ее спокойному выражению лица, по тому, каким тоном она начала свое объяснение. Вероятно, у нее новый заказ. Так это замечательно! Неужели она думает, что он не понимает, как много для нее значит ее работа, даже не работа, потому что то, чем она занимается, все же трудно назвать просто работой. Она – художница, и, творя свои натюрморты и портреты, она словно проживает параллельную жизнь, она наслаждается тем, что делает, и набирается тех волшебных сил, что и составляют ее сущность и что питает ее любовь и к жизни, и, как это ни странно, к нему. Он заранее согласился с тем, что она скажет, Рита может в этом не сомневаться.

– Понимаешь, – произнесла она приглушенным голосом, словно ее могли услышать, – тебя подолгу не бывает дома, я здесь совершенно одна. Мы и поговорить-то с тобой не успеваем толком. Ты возвращаешься с работы, ужинаешь и ложишься спать. Или же работаешь в своем кабинете. Я все понимаю, у тебя работа и все такое. Но со мной стали происходить некоторые странные вещи. Словом, Марк, я стала разговаривать сама с собой. Точнее сказать, с тобой в твое отсутствие, вот. Не думаю, что я заболела. Просто мне хочется иногда посоветоваться с тобой, поговорить, рассказать тебе что-то, а тебя нет. Как ты думаешь, это болезнь?

– Рита! Неужели все настолько запущено?

– Я сначала хотела позвонить тебе и посоветоваться, спросить разрешения, наконец, но у тебя телефон был занят. Я понимаю, у тебя много работы, ты очень занят. Марк, буквально на днях я встретила одну девушку. Она произвела на меня такое впечатление, мне так захотелось заполучить ее, чтобы написать ее портрет, что я, мысленно спросив у тебя разрешения, пригласила ее в наш дом и попросила пожить здесь до тех пор, пока я не закончу работу. Ты не против?

– И где она сейчас? – Потрясенный Марк не сразу понял, как ему реагировать на эту новость. В их доме – посторонний человек!

– Я покормила ее и постелила в садовом домике, за мастерской. Ей там понравилось.

– Но ты же ее совершенно не знаешь!

– Почему же не знаю, – она хитро улыбнулась. – Знаю. Думаю, что и ты в скором времени захочешь с ней познакомиться. Вот и не верь после этого в совпадения!

– Я ничего не понимаю!

– Фамилия Пышкина тебе ни о чем не говорит?

Марк уронил вилку:

– ...посыпанная сахарной пудрой...

– Что? Что ты сказал?

– Она проходит по моему делу. Но она же исчезла!

– Никуда она не исчезла и находится сейчас, говорю же, у нас, в садовом домике. Я познакомилась с ней случайно. Ко мне на днях приезжала мама, я оставила Фабиолу с ней и отправилась в город за покупками. И на улице увидела девушку. Ее лицо... Не знаю, как тебе это объяснить. Она была словно сама не своя. Словом, мне захотелось написать это лицо, эту трагедию, которую я увидела, заглянув в ее глаза. Она сейчас как пластилин, совершенно открыта и рассказывает мне такие вещи! Она потеряла подругу. Думаю, речь идет о той самой девушке, о которой ты мне сейчас рассказывал. Обычно же я следую за тобой, то есть ты рассказываешь мне о каком-нибудь свидетеле, и я заманиваю его (или ее) к себе и потрошу, расспрашиваю, чтобы узнать то, что интересует нас с тобой в плане расследования, а сейчас все произошло наоборот. Представляешь, насколько она сейчас доверилась мне, раскрылась? Так получилось, что, потеряв подругу (а это она обнаружила ее труп, когда вернулась под утро со свидания), она не могла оставаться в квартире и ушла. Бродила по улицам сама не своя. Я пригласила ее к себе, сказала, что хочу написать ее портрет, и пообещала ей немного заплатить за сеансы. Все вышло очень правдоподобно. Ей теперь и в голову-то не придет, что я имею отношение к расследованию смерти этой самой Лили.

– ...Бонковой, – подсказал ей изумленный Марк. – Рита, я ушам своим не верю!

– Ушам-то своим ты можешь и не верить, но поверь хотя бы мне.

– Но она в розыске!

– Ничего. Сделай так, чтобы все успокоились. Мне необходимо время, чтобы понять, что случилось на самом деле и как могло произойти, что Лиля ушла из жизни – сама ли или ее убили. Круг знакомых, какие-то факты ее биографии.

– Но что-то ты уже успела узнать?

– Да, конечно. Но пока что очень немного. Так случилось, что у Кати возникли финансовые проблемы и она решила сдать комнату. Пустила, как это чаще всего и бывает, первого встречного, точнее, первую встречную. Приезжаю. Лилия прочитала объявление на вокзале, на столбе, и сразу же позвонила. Приехала. Все о себе рассказала...

– Рита, я не перестаю удивляться тебе! Я веду дело об убийстве этой самой Бонковой, а ты мне рассказываешь ее биографию.

– Да я и сама удивлена не меньше твоего. Так вот. Она из деревни Хмелевки, замужем, ее муж пьет и бьет ее. Мечтала развестись с ним и обосноваться в городе. Она и заявила-то

к Кате с синяками на лице. И была так откровенна с ней, что Катя пожалела ее ипустила к себе. И знаешь, почему она согласилась жить под одной крышей с этой Лилей?

– Ты же сама сказала: финансовые проблемы.

– Она призналась мне в том, что на Лилином фоне ее личная жизнь и проблемы показались ей не такими уж и мрачными.

– Да уж, она действительно раскрыла перед тобой всю душу.

– Ты пойми, она боится возвращаться домой потому, что видела там мертвую подругу. Должно пройти какое-то время, чтобы она успокоилась. Так ты не против, чтобы она пожила у нас какое-то время?

– Пусть живет. Главное, чтобы об этом не узнали посторонние. Ведь она, по сути, может стать впоследствии одной из подозреваемых. И именно потому, что исчезла.

– А что ты можешь рассказать мне об этой Лиле? Что говорят соседи?

– Что ее бросил женатый любовник. И что она избивала его жену. Они зачем-то приехали вдвоем, думаю, этот мужик просто побоялся, что у него не хватит духу объясниться с Лилей, вот он и взял с собой жену. Лиля же оказалась эмоциональной девушкой, выскочила из дома и набросилась на жену, била ее шлепанцем по голове.

Рита даже присвистнула.

– Ну ничего себе! И как давно это было?

– Неделю тому назад.

– Вот как? Я-то думала, накануне самоубийства или убийства.

– Ко мне обратилась еще одна соседка, собиралась рассказать что-то, как она сказала, важное о Лиле, но обстановка в квартире не располагала к беседе, я пригласил ее на завтра, пусть спокойно и обстоятельно расскажет все, что считает нужным.

– Она тоже считает, что Лиля покончила с собой?

– Напротив. Она заявила мне самым таинственным тоном, что точно знает, что ее убили.

– И как же ты мог отпустить ее? А вдруг она – самый важный свидетель? Может, завтра ее уже уберут? – Рита ущипнула Марка за руку.

– Уж слишком важным тоном она мне все это заявила, я бы сказал даже – театральным. Думаю, ничего стоящего она мне завтра не скажет. К тому же у меня была еще одна важная встреча, а потом еще одно дело. Мне хотелось засветло вернуться домой, – признался Марк. – Так ты эту Пышкину накормила?

– Да, все хорошо, думаю, она уже спит. Ты знаешь, который час?

– Пойдем посмотрим, как там Фабиола. Знаешь, ты вот радуешься, что она спит, а мне так хочется ее растормошить, поиграть с ней, никак не привыкну к мысли, что она – моя дочь, моя часть. Но я так счастлив, так счастлив!

– Марк, так ты обещаешь мне, что не тронешь Катю?

– Обещаю – пока. А там видно будет. Вдруг это она ее убила? Сама знаешь, людям нельзя верить.

– Подожди. – Рита ушла и вернулась через несколько минут с эскизом портрета. – Вот, смотри. Видишь, какие у нее глаза? Она страдает!

Марк стал внимательно изучать рисунок.

– Да, но у нее тоже длинные волосы, да и во внешности есть что-то схожее. Хотя нет, просто длинные волосы, как у русалки. Она блондинка?

– Что-то вроде того.

– А Лиля, как сказал Борис, натуральная блондинка.

– Так часто бывает: живут подруги вместе, кто-то лидер, и ею восхищаются, стараются походить на нее или обе – друг на друга. Она была красивой, эта Лиля?

– Борис говорит, что просто красотка, – усмехнулся Марк. – Он – мастер по части мертвых девушек.

– Я так и думала... – Рита поставила перед Марком чашку с чаем. – Это чай с лимоном и мятой. Марк...

Она обняла его и поцеловала.

5

Лицо долго не отмывалось, жирная крем-пудра, смешавшись с тушью и тенями, превратилась в густую цветную мыльную маску, под которой болели разбитые скулы, припухший нос и рассеченное веко. Сейчас, когда Лиля смывала густую бурую смесь теплой водой, нежную кожу саднило, а веко пощипывало. После того как она умылась, взгляд на себя в зеркало поверг ее в состояние, близкое к шоку. Нет, конечно, она уже видела себя после побоев мужа, и лицо ее уже должно было привыкнуть к жестоким ударам его кулачищ, но почему-то именно теперь, когда она находилась не дома, в чужой квартире, в присутствии незнакомого человека, ее лицо показалось ей особенно отвратительным, даже каким-то непристойным, вульгарным, словно у пьянчужки. Дома-то ее в таком виде никто не видел, разве что соседка Антоновна, но она к подобным вещам привычная – мало ли баб поколачивали в Хмелевке!

А как сейчас выйти из ванной комнаты и показаться этой девушке, Кате, в таком виде? Продемонстрировать фиолетовые синяки, багровые кровоподтеки, разбитый нос и рассеченное веко? Что, если Катя начнет расспрашивать, почему она, Лиля, не позвала участкового, не написала заявление в милицию? Все всё знают, грамотные, но почему-то не пишут куда следует, не обращаются, не пользуются своим правом, а терпят. И все почему? Да потому, что участковый уже привык к подобным вызовам и считает, что семейные драки – обыденное дело, касающееся только двоих, словно речь идет не о нанесении побоев, а о любовных утехах. Только теперь все изменится. Вернее, уже изменилось. И Лиля будет любить свое лицо, как и свое тело, и не позволит никому пользоваться им как своей личной вещью. И никогда и никто ее больше не изнасилует, не принудит, не заставит делать то, от чего ее тошнит и что причиняет ей боль.

В дверь постучала Катя, Лиля крикнула: «Входите!» Катя, стараясь не смотреть на голую квартирантку, повесила на крючок махровый желтый халат и большое розовое полотенце. Лиля, пряча лицо в ладони, отчего-то заплакала.

– Давай на «ты», а? – предложила Катя, заметно смущаясь и продолжая смотреть куда-то в сторону. – И не реви. Сейчас выйдешь, ужинать будем.

И закрыла за собой дверь.

Лиля тщательно вымылась, пользуясь своим мылом и шампунем, завернулась в халат, сделала из полотенца тюрбан на голове и вышла из ванной легкая, чистая, с кружащейся головой.

– Ты, наверное, целый день не ела, садись вот сюда, бери хлеб, пододвигай к себе тарелку. Это суп, грибной. Вот сметана, не стесняйся. Еще будет жареная картошка с салатом из моркови. Не бог весть что, зато сытно и все свежее.

Сказать «спасибо» Лиля не могла – ком стоял в горле. Но Катя и так должна была понять, насколько Лиля ей благодарна. За все: и за человеческое отношение, и за халат, и за ужин, а главное – что она не побоялась поселить ее у себя, выделила пусть маленькую, но уютную, с широким диваном, комнату.

– Ты ешь, ешь, не стесняйся. Ты, главное, успокойся и постарайся взять себя в руки, не раскисай.

Лиля тогда не знала, что Катя, произнося эти слова, обращалась даже не столько к ней, сколько к себе самой.

– Отдохни денек, а потом купим газеты, поищем тебе работу. У тебя есть какая-нибудь профессия?

– Нет, – ответила она с набитым ртом. – У вас все так вкусно.

– Мы же договорились: на «ты».

– У тебя все так вкусно! Спасибо тебе. Если бы не твое объявление, не представляю, где бы я ночевала. Да, кстати, деньги у меня есть, я могу заплатить за месяц вперед. Я же понимаю, если ты сдаешь комнату, значит, и тебя тоже прижало.

– Прижало, – вздохнув, призналась Катя. Теперь и у нее появилась возможность немного рассказать о себе. – Да просто у нас в магазине, где я работаю, ремонт. Я временно безработная. Стиральную машину вот в рассрочку купила, теперь переживаю, что на взносы не хватит.

– Хватит, я тебе дам. Понятное дело, я не богачка, но за месяц вперед заплачу. Могу прямо сейчас.

– Да подожди ты со своими деньгами, сиди спокойно и ешь. Значит, профессии у тебя нет, говоришь?

– Я школу закончила, замуж вышла, у нас хозяйство небольшое, муж трактористом работал, пока не опустился совсем.

– А почему сразу в город не поехала?

– Лубофф, – отмахнулась она. – Свадьбы хотелось, детей. Да вот, слава богу, пока детей бог не дал, словно видит, что сейчас не время.

– А что муж? Будет тебя искать?

– Не знаю. Он на заработки уехал, в Москву. У нас многие уезжают, но очень быстро возвращаются. Обмана много в Москве.

– Вот он тебя... побил...

И Лиля тотчас вспомнила о своем лице. Еда поначалу так увлекла ее, что она на время забыла о том, в каком виде сидит за столом.

– Он дурак, когда выпьет. А когда трезвый – вроде бы нормальный, прощения просит.

Катя видела много телевизионных шоу, где женщины рассказывали одну и ту же историю о своих мужьях, которых они не решаются засадить за решетку за нанесенные телесные повреждения. По ее мнению, эти женщины – безвольные, глупые, ничего не понимающие в жизни и очень ограниченные. Лилия не походила на дуру. Почему она терпела? Катя спросила ее об этом.

– Жалко. Посадят идиота, а я потом всю жизнь буду жалеть об этом.

– А развод?

– Так говорю же – решила развестись. Детей-то все равно нет, потому все должно быть легко, быстро. Я же понимаю, что жизнь дается человеку один раз, нельзя вот так относиться к себе. Знаешь, к нам в Хмелевку женщина одна приезжала, писательница английская. Так похожа на принцессу Диану! Она разговаривала с нашими деревенскими бабами, одна наша учительница устроила чаепитие, пригласила ее, она хорошо говорит по-русски, книгу же о России пишет, так вот, она интересовалась как раз именно этой темой – не бьют ли нас наши мужья? Она такая красивая, и лицо у нее такое, свежее, что ли. Не то что у наших баб. Она говорит: у вас, мол, жизнь одна, и вы не должны жертвовать собой ради мужей-пьяниц. Прямо открыто так призывала бросать их и начинать новую жизнь. И так просто она об этом говорила, что многие наши бабы заревели. Но водку купить постеснялись, так весь вечер чай с кексами и пили.

– Ты все правильно решила. Только вот устроить личную жизнь не так-то просто. Тебе сколько лет?

– Двадцать один, а тебе?

– Двадцать два.

– Почти ровесницы. Но я, как видишь, не замужем и никогда не была. Может, я некрасивая?

– Да ты очень даже симпатичная, и фигура у тебя что надо, – улыбнулась Лилия. – Просто пока не встретила еще своего парня. А что проку, что я так рано встретила и выскочила замуж? Сама видишь, чем все это закончилось. Ты, главное, не переживай, не волнуйся, что время

идет, не торопись. Живи себе спокойно, наслаждайся, так сказать, жизнью, люби себя, и ты увидишь, что встретишь своего парня, когда меньше всего будешь этого ожидать. Да и вообще, разве в мужчинах счастье? Я вон искупалась у тебя, поела, поговорила с тобой, и мне так хорошо стало! Подожди, я вот только деньги тебе отдам.

И не успела Катя ничего сказать, как Лиля принесла деньги, торжественно вручила:

– Вот. Как и договаривались по телефону.

– Спасибо. Знаешь, я даже рада, что написала это объявление, и дело не в деньгах, конечно. Мы с тобой ровесницы, думаю, подружмся, – Катя порозовела от смущения. – Я тебе город покажу, мы с тобой будем вместе в кино, театры ходить. А ты цирк любишь?

– Люблю, конечно, хотя я в нем ни разу не была. Только по телевизору видела.

– Возвращаясь к теме работы... Понимаешь, если бы не этот ремонт, можно было бы поговорить с хозяйкой, может, и тебе нашлось бы место. А так... неизвестно вообще, что с нами будет, может, реконструкция какая-то...

– Я работы не боюсь. И в судьбу верю. Продавщицей так продавщицей, – слабо улыбнулась Лиля, чувствуя, как усталость тяжелой давящей волной накрывает ее с головой.

– Да ты уже спишь! Пойдем, я тебе постелила. Ложись и постарайся ни о чем не думать. Утро вечера мудренее.

Катя проводила Лилу в ее комнату и вернулась к себе, включила телевизор. Только вместо фильма она видела лишь несвязные кадры, какие-то нелогичные фрагменты непонятного действия – она никак не могла сосредоточиться и думала только о Лиле. Правильно ли она сделала, впустив квартирантку? И на самом ли деле ей так худо и бедно, что она рискнула сделать этот отчаянный шаг? Ведь у нее в банке лежит небольшая сумма на черный день, и никто не сможет помешать ей взять эти деньги и расплатиться за всю стиральную машинку целиком. Еще и на квартирную плату за год вперед хватит. Кто научил ее так жестко обращаться с деньгами и отложенный рубль брать только в самом крайнем случае? Запаниковала, дала объявление, и теперь вот будет жить с этой непонятной девицей, мечтающей пустить корни в городе.

В это время Лиля, спрятавшись с головой под одеяло, разговаривала со своим мертвым мужем:

– ...и не смотри на меня так! Я же знаю, что тебя нет и никогда больше не будет в моей жизни. Отпусти меня, дай мне свободно дышать.

Она выглянула из-под одеяла и уставилась на стоявшую на столе вазу с цветами.

– Я понимаю, что там сыро и холодно, но ты сам во всем виноват. И вообще, я не могу сейчас с тобой разговаривать. Я не дома, как видишь.

Призрак Виталия, пошатываясь, подошел вплотную к кровати и уселся на постель. Лиля зажмурилась...

6

Соседку звали Татьяна Андреевна. Средних лет, в теле, с аккуратно уложенными волосами, в новом меховом пальто. Взгляд настороженный, почти испуганный. Марк подумал, что вчера ошибся, принимая эту женщину за очередную любительницу позубоскалить. Видно было, что этот визит дался ей нелегко, что она нервничает.

– Вчера вы заявили, что вашу соседку, Лилию Бонкову, убили, – напомнил ей Марк.

– Сейчас я расскажу вам о том, как прошел ее день перед смертью, и вы, быть может, сами решите, могла Лилечка покончить собой или нет. А факты самые простые, житейские, я бы даже сказала, женские. Вот ваши люди осматривали квартиру, каждый сантиметр, наверное, изучали, фотографировали. Кто-нибудь из вас обратил внимание на ведро с тестом? Лилечка поставила тесто. Знаете, она печет... вернее, пекла изумительные пышки с маком. Вам, мужчинам, быть может, это ни о чем не говорит, а женщине скажет многое: ну не может девушка, поставившая тесто, отправиться по своей воле на тот свет! Она приходила ко мне за дрожжами. Советовалась, добавлять ли в желток, которым она собиралась смазывать пышки, немного воды или нет. Это было в три часа дня. А умерла она, судя по всему, вечером, раз днем была жива, и еще в пять часов я слышала какие-то звуки, доносившиеся из квартиры, ну, там, звон посуды, голос Лили, говорившей по телефону, шум льющейся воды. В нашем доме удивительно тонкие стены.

– Тесто, – задумчиво произнес Марк. – У вас все?

– Нет. Еще она попросила у меня бегонию, веточку. Я дала ей две: с красными цветами и с желтыми. Она посадила их сразу в землю и прикрыла, как я ее учила, стеклянными банками, тепличный эффект, понимаете? Она не собиралась умирать, это бред! После обеда она была в магазине, пришла с полными сумками, я видела ее, когда она возвращалась. Сказала, что купила маринованные огурцы, три банки, что не беременная, а на соленья тянет. Она пошутила, понимаете? Вот и посудите сами, стала бы она покупать три банки огурцов, если бы запланировала самоубийство?! И чулок... Я случайно увидела, как его снимали с шеи покойницы. Вы же видели ее, Лилию? Она высокая девушка. У нее не могло быть таких коротких чулок! К тому же я обратила внимание на пакет из-под чулок, и там проставлен размер – двоек. Поверьте мне, это не ее размер. Эти чулки были бы ей только чуть повыше колена! Вы можете возразить, мол, в квартире живет еще одна девушка, это так, но Катя вообще не носит чулки, это я точно знаю. Однажды, на Восьмое марта, мы собрались втроем – я, Катя и Лилечка, хотели почаевничать, обменялись подарками. И я как раз подарила ей чулки, красивые такие, тонкие, она приняла подарок, поблагодарила, а потом, когда мы еще посидели, выпили, рассказала нам, какой с ней случился казус, как она однажды надела чулки, вышла из дома и прямо на остановке почувствовала, как они скатываются с ног, резинки ослабли, и они сворачиваются в рулоны. Вам, мужчинам, не понять, но она сказала, со смехом, конечно, что с тех пор не доверяет чулкам и предпочитает колготки. Вот такая простая история. Так что Лилечку нашу убили! Кто-то пришел с упаковкой новых чулок, купленной специально для этого случая, и задушил ее. Вы поймите, мы, пенсионеры, много времени проводим перед телевизором, смотрим огромное количество сериалов, читаем криминальные романы. Начитавшись такого чтения, вы уж извините меня за тавтологию, невольно начинаешь обращать внимание на разные мелочи. Вот и вчера тоже. Вы заметили где-нибудь следы борьбы, например? Их нет. Значит, в квартиру вошел человек, которого Лилия знала и которому доверяла. Хотя, конечно, это мог быть и посторонний. Не знаю... Но все равно: я настаиваю на том, что Лилечку убили. Да, вот что еще я вспомнила. Она рыдала, просто белугой выла, когда поняла, что снова осталась одна. Я так думаю, что он кормил ее обещаниями, но потом решил вернуться в семью. Но все равно, хоть она и переживала сильно, но не до такой степени, поверьте мне.

– Возможно, вы и правы, – произнес Марк, имея в виду подозрения Бориса Анджана, судмедэксперта, который обнаружил на шее жертвы следы предположительно пальцев рук. – И я благодарен вам за то, что вы пришли и так много рассказали мне о вашей соседке. Примите мои соболезнования. Лиля была такой красивой девушкой...

– Думаю, что все беды у нее были от ее красоты, – вздохнула Татьяна Андреевна. – Мужики липли к ней, как на мед, но ничего серьезного как будто не происходило... А ведь она была такая, как бы это вам сказать, светлая, что ли. Я редко видела ее с грустным выражением лица. Вот Катя, к примеру, девушка слишком серьезная, даже мрачноватая, словно она постоянно думает только о плохом, пессимистка, понимаете? А Лилия – напротив, с ней было легко, думаю, Катя подпитывалась от нее энергией, если можно так выразиться.

– А вы не знаете, где может быть сейчас Катя?

– Разве она еще не пришла?

– Нет, в ее квартире дежурят наши люди – Катя не появлялась. Вы понимаете, на какие мысли это наводит? Быть может, она имеет отношение к тому, что произошло с Лилей? Быть может, подруги поссорились?

– Ой, что вы такое говорите?! – замахала руками Татьяна Андреевна. – Катя – интеллигентная девочка, она прекрасно относилась к Лиле, и если между ними и бывали конфликты, то мелкие, житейские.

– Например?

– Я знаю один такой случай. Да и то его едва ли назовешь конфликтом. Просто Лилия, по мнению Кати, совершенно не умела тратить деньги. Могла покупать себе то, чего, по мнению опять же Кати, она не могла себе позволить. Ох, господи, не знаю, как сказать. Я вот лично думаю, что Катя слишком много на себя брала. Вероятно, считала, что раз Лилия у нее снимает комнату, значит, она как бы не имеет права тратить попусту деньги, что их надо откладывать, к примеру, на свое жилье, и все в таком духе. То есть она призывала Лилию к аскетическому образу жизни. Но Лилия сама знала, на что и куда ей тратить заработанные ею же деньги. Или, я уж скажу правду, подаренные ей деньги. У нее были мужчины, которые помогали ей, и Лилия с радостью тратила их деньги, между прочим, не только на себя, но и на Катю. Духи ей, к примеру, покупала. Какую-то бытовую технику, забивала холодильник едой – питались они вместе. На мой взгляд, им не из-за чего было конфликтовать. И мне очень не хотелось бы, чтобы вы подозревали Катю. Она хорошая. Она любила Лилию. А то, что ее нет дома, тоже можно объяснить. Дело в том, что и у Кати тоже бывали молодые люди. Это же нормально.

– Может, они кого-то не поделили? – спросил Марк и почувствовал, как краснеет. Вот бы узнала эта Татьяна Андреевна, что Катя в этот момент, когда они здесь разговаривают, позирует Рите в мастерской их загородного дома! Господи, и чего только не бывает в жизни...

– Нет-нет, у них были разные вкусы. У Лили ухажеры были шикарные, молодые, на дорогих машинах раскатывали. А у Кати – все какие-то доценты, студенты, один профессор был. И это несмотря на то, что она работает продавщицей в рыбном магазине. Марк Александрович... Так вы запишете про тесто?

7

Зинаида Гончарова лежала в постели с сильной головной болью и сжимала в руке телефонную трубку. Прошло несколько дней с тех самых пор, как любовница мужа, Лиля, избивала ее, надавала по голове чем-то хлестким, твердым, острым. Она хотела сразу же по возвращении домой позвонить куда следует, написать заявление, чтобы эту гадину, эту разлучницу, проститутку посадили и чтобы ей впредь было неповадно избивать верных и порядочных женщин. Но триумф Зинаиды в тот вечер, несмотря на полученные тумачи, был так очевиден (муж вернулся домой, отказавшись от любовницы), да и сам Роман на ее попытку позвонить в милицию так резко отреагировал – мол, и не вздумай, это семейные дела, нечего впутывать посторонних, – что вопрос обращения к правоохранительным органам как бы отпал сам собой. Однако теперь Зина поняла, что мужа она вернула лишь физически, то есть он снова ночевал и ел в своей квартире, после работы лежал на ковре перед телевизором между рассыпанными спортивными газетами и журналами, но мысли его, как ей казалось, все еще оставались там, где продолжала обитать его теперь уже бывшая пассия, любовница, подружка с приторным и ядовитым, как ртуть, именем Лилия, и ей захотелось возмездия. К тому же голова нешуточно продолжала болеть, особенно затылочная часть. «А вдруг у меня там образовалась гематома, внутреннее кровоизлияние или вообще опухоль?»

Телефонная трубка своими длинными гудками словно призывала к действию. Ну что такого, если она позвонит в милицию и расскажет историю, правда, не первой свежести, о том, как ее избивала гражданка Бонкова? В милиции ей наверняка скажут, что обращаться надо было сразу же, ее бы направили на экспертизу и все такое прочее.

Она положила трубку на место и позвонила мужу:

– Рома? Ты сегодня во сколько будешь? Я такой борщ приготовила...

Но муж почему-то ничего не ответил. Отключил телефон. Тогда Зина еще раз набрала его номер:

– Рома, это ты?

Молчание.

– Рома, почему ты не хочешь разговаривать со мной? Ну что такого я тебе сделала? Мы же с тобой обо всем договорились. Ты же сказал, что все будет по-прежнему. Рома... Что с тобой? Неужели эта стерва так околдовала тебя, что ты забыл о своих детях?

– А... Про детей вспомнила, – вдруг услышала она подозрительно тихий и вкрадчивый голос Романа. – Наша мамочка вспомнила про детей! Детьми, значит, прикрываешься? А наши с тобой отношения тебя уже не волнуют? Я тебе обещал, что буду ночевать дома, обещал?

– Д-да, – пролепетала она, еще не в силах взять в толк, почему Роман так зол на нее. Словно у него есть что-то, позволяющее ему упрекнуть ее в том, что она – плохая мать или жена.

– Рома... А ты случайно не пьян? – осторожно спросила она.

– Да пошла ты!

Она положила трубку на место, поднялась с постели и, придерживая на голове мокрое полотенце, поплелась в кухню. Открыла кастрюлю с горячим, пахучим борщом, налила себе полную тарелку, достала из холодильника сметану, густо намазала ломоть черного хлеба и принялась есть.

«Ну и пусть побесится, – подумала она злорадно, уписывая вкусный борщ, – пусть, все равно он бросил ее, я сама все видела, и то, как он обращается с ней, и как держит ее за руки, словно брезгает ею. Она же вообще как липучка, набросилась на него, хотела схватить. Как будто бы он – ее собственность. Нахалка!»

Даже фраза, брошенная соперницей: «Он тебя не любит, не любит и живет с тобой только ради детей! Я ненавижу тебя, ненавижу!!!» – не смогла испортить аппетит. Зина продолжала есть, даже выловила из кастрюли сочный кусок говядины, посыпала его солью и с удовольствием съела. Потом выпила вишневого компоту, вымыла посуду и вернулась в постель. Скоро придут из школы дети, потом как миленький явится Роман, Зина всех накормит, и жизнь пойдет своим ходом. Ну и что, что он спит под отдельным одеялом? И эта его холодность сменится привычными супружескими отношениями, и в их жизни снова воцарится порядок. Ну, подумаешь, погулял муженек, схлестнулся со шлюхой, с кем не бывает?

В передней раздался звонок. Может, Роман? Стыдно ему стало, что так грубо с женой разговаривал, и решил приехать домой пораньше, поговорить, помириться?

Зина швырнула мокрое полотенце в кресло, машинальным движением поправила влажные волосы, одернула халат и направилась к двери. Но, распахнув ее, вместо Романа она увидела представительного молодого мужчину в сером длинном плаще и мокрой от дождя шляпе. Под мышкой он держал кожаную папку.

– Это квартира Гончаровых?

– Да... А вы кто?

– Роман Гончаров дома?

– Нет его, он на работе. А вы кто? – Она занервничала. Может, с Романом что-нибудь случилось?

– Я следователь прокуратуры, Марк Александрович Садовников. Мне необходимо поговорить с вашим мужем. Я разговаривал с ним по телефону, он сказал, что с минуты на минуту будет дома.

Зинаида мельком взглянула на протянутое удостоверение Марка и распахнула перед ним дверь:

– Проходите, пожалуйста. Что-нибудь случилось? С Романом?

– Нет, с ним все в порядке.

– Вы только разуйтесь, пожалуйста, а то у нас розовый ковер в гостиной.

Она сказала это непроизвольно, просто не могла, как хозяйка и обладательница нового дорогого ковра, не упомянуть об этом.

Но Марк, даже не взглянув на нее, прошел, обутый, мимо двери, ведущей в гостиную, прямо в кухню, где еще пахло борщом.

– Вам говорит о чем-нибудь фамилия Бонкова? – спросил Марк, усаживаясь за стол и раскладывая на столе папку. – Эта девушка вам знакома?

И он разложил на столе фотографии мертвой Лили Бонковой.

Зинаида оторопела. Она молча перебирала снимки и не знала, что сказать. Судя по всему, Бонкова была мертва.

– Что с ней?

– Она повесилась. Вы знали, что она была любовницей вашего мужа?

Не в бровь, а в глаз! Зина как подкошенная опустилась на стул. «Она повесилась... Она повесилась...» – в ушах все еще звучали слова следователя. А может, ничего не случилось, и она просто вздремнула после обеда, а визит следователя – короткий и нервный сон?

– Вы сказали... что эта девушка...

– Она повесилась. Обстоятельства дела таковы, что вы являетесь одной из подозреваемых.

Она не знала, что Марк позволил себе немного покуражиться, тем более что в его словах абсолютно отсутствовала всякая логика. Ведь если девушка повесилась, то о каких подозреваемых может идти речь? Но ему почему-то так не понравилась эта располневшая клуша с весьма подходящим ей именем Зина, и ее движения, и взгляды, которые она бросала на него украдкой, словно оценивая его как мужчину. Если верить соседям, это именно на нее набросилась

разъяренная и выведенная из себя предательским поступком любовника Лиля и принялась наносить удары шлепанцем по голове. Интересно. Болит ли у нее сейчас голова или нет?

– Как это – подозреваемая? Что вы хотите этим сказать?! Что это я убила Лилю?!

– Вы же были ее соперницей. Лилия любила вашего мужа, ваш муж любил Лилю, и вот теперь ее нет. Вашему семейному счастью никто не мешает.

– Пойдите-пойдите... Вот сейчас придет мой муж, и он расскажет вам, как все было!

– Что именно было?

– Наши отношения... Вернее, их отношения... Они закончились. Понимаете, вам, верно, незнакомо чувство, когда вокруг все рушится. Семья, понимаете? Когда мои дети узнали, что их отец живет с другой женщиной, мой сын сказал, что уйдет из дома, а дочка... А Машенька моя... у нее появились седые пряди в волосах! Она очень любит папу. Она же совсем маленькая, ей всего-то шесть лет! Когда я сказала об этом мужу и предложила ему поговорить серьезно о будущем наших детей, о нас, он выслушал меня; конечно, я плакала, мне было страшно, понимаете? Так вот, он сказал, что ему нужно подумать. Но когда Маша подошла к нему, обвила за шею ручонками и сказала ему: «Папа, не бросай нас...»

Марк подумал, что здесь не обошлось без сценария мамыши.

– ...и тогда он принял решение вернуться в семью. Сказал, что сделает это немедленно. Я сказала, что хочу сама, своими глазами, увидеть ее, разлучницу. Мне важно было знать, что он на самом деле решился и не передумает. Я должна была поддержать его в трудную, решительную минуту. И мы поехали с ним к ней, к Лиле этой, когда уже стемнело. Роман поднялся к ней и очень быстро вышел. А следом выбежала она, сама не своя, растрепанная, бледная, и бросилась на моего мужа. Она кричала, что любит его, жить без него не может. Ну, и все в таком духе. А потом... – Зинаида подумала о том, что стоит ей только рассказать, как Лилия набросилась на нее и принялась избивать, как ее смерть могут истолковать как месть. Словно жена любовника убила соперницу, чтобы отомстить за все сразу.

– И что она? Что было дальше?

– А потом она закрыла лицо руками и бросилась в подъезд. Вот и все, – беззастенчиво лгала она. – Вы сказали, она повесилась? В смысле... сама? – Она затаила дыхание.

– Следствие покажет.

– Хотите чаю или кофе?

Она еще и сама не могла понять, обрадовалась ли она по поводу того, что Лилия Бонкова повесилась (господи, ее больше нет!!!), или же расстроилась, поскольку перед ней сидел следователь прокуратуры, а это серьезно, к тому же наверняка имелись свидетели их ночной потасовки с Лилей.

И только когда открылась дверь и вошел муж, она сразу поняла, что он в курсе, напился, тяжело переживает и, что самое главное, он ей, своей жене, теперь никогда не простит смерти любовницы.

– Что, рада? – Он, сверкнув глазами, довольно грубо отстранил ее от себя и направился прямо к Марку. – Вы... А я, знаете ли, выпил после нашего с вами разговора. Не мог удержаться.

Роман Гончаров вдруг резко повернулся, и, судя по тому, как быстро выбежала из кухни жена, он словно одним взглядом прогнал ее прочь.

– Радуйся! Вот ведь люди... – И Гончаров, вдруг дав волю своим чувствам, разрыдался.

8

– На следующий день своего пребывания у меня – утром – Лиля упала с кровати, представляете?

– Как это? – не поняла Рита.

На этот раз Рита чувствовала себя в присутствии своей гостьи куда увереннее – Марк знал о том, кого именно она приютила. К тому же, если вчера она выслушивала откровения Кати Пышкиной просто как человек, удовлетворявший свое любопытство и заодно проверявший свои догадки, то теперь перед ней стояла вполне конкретная цель: выяснить, как жила в последнее время Лиля Бонкова, с кем встречалась и, главное, кому могла понадобиться ее смерть. Другими словами: кто и за что мог убить Лилю? В том, что Лилю не могла убить сама Катя, Рита нисколько не сомневалась. Иначе не оставила бы ее у себя в доме ни минуты.

– Она застлала постель, надела коленом, чтобы расправить покрывало, и в это самое время кровать развалилась, а Лиля упала и больно ударилась. Между нами говоря, я делала ей даже примочку на локоть, мочой. Вот такая подробность. Вы не представляете себе, как же мне было стыдно. Тоже мне, хозяйка квартиры, подсунула жиличке сломанную кровать! А если бы она покалечилась по-настоящему? Я уж извинялась-извинялась, но Лиля отнеслась ко всему этому с юмором, легко. Сказала, что если убрать сломанные ножки, то можно спать и на полу. И в этот же день она сама отправилась на поиски работы.

– И как, нашла?

– Нет. Но она нашла кое-что посущественнее, чем деньги. Я вот вам расскажу сейчас, а вы мне не поверите. Так получилось, что в те дни в центре города шли ремонтные работы, на тротуарах перекладывали плитку, и Лиля на своих шпильках попала как раз между старыми, разбитыми плитами, да так сильно споткнулась... У нее сразу же обнаружилось растяжение. Но она-то поняла это не сразу. Она ведь упала, сильно ушиблась, нога распухла прямо на глазах.

– Надо же, как не повезло девушке! Сначала с кровати упала...

– Вот и я о том же. Но не все так просто. Она упала, прямо растянулась на земле, среди строительного мусора. Руку еще так неловко вывернула. И когда стала подниматься, то здоровой рукой оперлась на что-то круглое, мягкое, что было присыпано строительным мусором. Рита, представляете, это был тугой такой рулончик денег, долларов, перетянутый розовой резинкой! Вот что это – ей бог послал?

– И сколько же там было? – Это действительно показалось Рите неестественным, потрясающим.

– Три тысячи баксов, вот сколько. И вы думаете, что моя квартирантка сразу же, хромая на больную ногу, побежала в банк и открыла счет, положила туда денежки? Ничего подобного. Она же как птичка. Живет тем, что бог пошлет. Она купила кровать. Хорошую удобную кровать, и привезла ее в мою квартиру. Сияла, как медный грош. Так радовалась этим деньгам! Еще одежды кое-какой прикупила, сказала – чтобы устроиться на хорошую работу, надо приодеться; купила косметику, продукты, но это уже вечером, мы с ней вместе по магазинам ездили. На такси, представляете? И так много всего накупили, я уж думала, что у нее больше денег не осталось, оказывается – нет.

– Тебя шокировал ее поступок? В смысле, покупка кровати?

– Но ведь это же большие деньги! Она еще работу не нашла, а кровать покупает. И ведь не себе же, она мне прямо так и сказала, что если съедет с моей квартиры, то кровать все равно мне оставит. Мы с ней одну ночь даже вместе спали – опробовали койку. Широкая, мягкая, удобная, просто шикарная!

– Мне кажется, я знаю, что случилось потом, – Рита лукаво взглянула на Катю. – Она дала тебе денег и заставила расплатиться за стиральную машинку.

– Да, вы правы. Именно так все и было. И отказаться я не смогла, уж слишком легко достались ей эти деньги.

– А ведь она была хорошим, добрым человеком, – произнесла Рита дрогнувшим голосом. – И мне действительно трудно воспринимать сейчас то, что ты рассказываешь о ней, только потому, что ее нет в живых. Это несправедливо.

– А я ей, дурища, тогда позавидовала! Вы увидите, я ведь и дальше буду ей завидовать. Она и с кровати упала, и на улице упала, ногу растянула, казалось бы, это с нее надо было писать сценарий фильма «Невезучие», но, с другой стороны, эти деньги... Она нашла деньги! Но и это еще не все. Представьте себе, что, когда добрые люди, простые прохожие, погрузили ее на такси и отвезли в травмпункт, там, ожидая своей очереди, она познакомилась с мужчиной. Они просто обменялись телефонами, и все. Он подвернул ногу. Потом оказалось, что он – владелец магазина «Bell», это дорогой парфюмерный магазин. И Семен Сквозников станет ее первым и постоянным любовником, другом.

– Он взял ее на работу? – предположила Рита, не переставая удивляться ходу событий.

– Не сразу. Сначала просто звонил ей, назначал встречи, но она же болела, у нее нога долго не проходила. Думаю, нам не стоило в тот вечер таскаться по магазинам, надо было ей отлежаться. Ну, а потом, когда она могла уже двигаться, он пригласил ее в ресторан. И, надо сказать, она всегда рассказывала мне обо всем, что с ней случалось. Конечно, Семен был женат, имел двоих детей. Но их, по-видимому, это не особенно-то смущало. Они встречались на квартире, которую он то ли снимал, то ли она была его собственной. Лиля в ходе своего бурного романа расцветала прямо на глазах.

– А как же ее синяки? Как он воспринял их, ведь, когда он увидел ее в первый раз там, в травмпункте, она выглядела – не приведи боже.

– Она сказала Семену, что ударилась при падении, когда растянула ногу. И все выглядело довольно-таки правдоподобно. Хотя, я думаю, при ее патологической честности, она вполне могла позже, уже при личной встрече, рассказать ему о своем муже, который бил ее. Но его это, как видите, не оттолкнуло. И я так понимаю, что мужчине вообще все равно, кто есть кто. Главное – это внешность и душа женщины. А Лиля была очень красивой девушкой, и душа у нее была открытая, светлая. – Катя достала платок и высморкалась.

– И что же было потом? Она переехала на квартиру к своему Семену? Голову вот так поверни, хорошо? Да-да... Вот так.

– Да любая бы на ее месте так поступила! Ведь это же экономия: за квартиру не платить, за свет, телефон, за еду, наконец. Когда живешь с мужчиной, то расходов вообще никаких – ты же находишься на содержании! И тут я узнала Лилю с другой стороны. Она, эта деревенская простушка, битая-перебитая жена, вдруг заявляет мне, что жить будет у меня, ничего в этом плане она менять не собирается и, несмотря на то что является любовницей богатого человека, она все равно будет работать, пусть даже и в его магазине, а почему бы и нет? Она сказала мне с завидной уверенностью, что мужчина будет ее уважать еще больше, если она займется чем-то полезным и приносящим пусть и небольшие деньги, вместо того чтобы целыми днями валяться на кровати перед телевизором. Знаете, после этих слов она стала мне еще симпатичнее. Больше того, я со своими принципами не знаю, как поступила бы на ее месте, не исключая даже, что бросила бы работу и попробовала себя в роли содержанки. Отдохнула бы, наконец, от забот и проблем. Но Лиле надо было что-то другое. Она хотела быть на людях, вероятно, понимала, что ее красота не должна быть скрыта от людских глаз. Господи, Рита, я же совсем забыла! Я принесла ее фотографии, это фотосессия, Лилю снимал один известный саратовский фотограф. Вы увидите, какая она была красавица!

И Катя, словно забыв о том, что позирует, вскочила и бросилась к двери, вернулась с пакетом и достала альбом:

– Вот, смотрите!

Рита, сжигаемая любопытством, раскрыла альбом, и на нее сразу же посмотрели зеленоватые, как морская волна, длинные русалочьи глаза. Светлые волосы до плеч, короткая челка. Маленький аккуратный нос, тонкие бледные губы. Но сколько тоски и грусти было в этом взгляде! И как этот образ не вязался с тем, что рассказывала о погибшей подруге Катя. Да, безусловно, чувствовалось, что Лиля добрая, мягкая, но чтобы она светила оптимизмом? Да в ее душе поселилась такая черная меланхолия, что не заметить этого было просто невозможно.

На остальных снимках Лиля позировала в роскошных старинных нарядах, явно позаимствованных в театре оперы и балета, и как хороша была она в завитом парике, украшенном бутонами шелковых роз, или, наоборот, в парике под каре – брюнетка с лукавым взглядом, исполненным невыразимой боли. Даже когда она улыбалась, показывая ровные белые зубки, все равно чувствовалось, что что-то гложет ее, мучает.

– Да, действительно, очень красивая девушка. И фигурка у нее отличная, таким ножкам могла бы позавидовать сама Николь Кидман. В черном гимнастическом трико она смотрится потрясающе. И грудь пышная, все при ней. А что, Катя, красота ведь тоже капитал, – произнесла Рита с чувством, забыв о том, что сидящая перед ней девушка обладает вполне заурядной внешностью и может обидеться.

– Вот и вы тоже позавидовали, ведь так? – уцепилась Катя за возможность оправдаться перед своей слушательницей. – Но вы-то, Рита, очень красивая женщина, и вам, быть может, не так больно было бы видеть перед собой на протяжении многих месяцев такую... скажем, природную красоту... Что бы она ни делала, во что бы ни была одета, как бы плохо себя ни чувствовала – ей шло все. Даже болезнь. Даже печаль.

– Но что-то слишком часто в кадрах она грустная, ты не находишь?

– Так у нее же всегда были какие-то проблемы. Как и у всех нас. Она была впечатлительной, расстраивалась по пустякам, иногда по ночам плакала, я знаю. И мне кажется, что все ее слезы были от неустроенности. Что она понимала: пока она молода и нравится мужчинам, они уделяют ей внимание, любят ее, а когда она постареет, что станет с ней?

– Ничего не поняла, – Рита замотала головой. Ей показалось, что Катя сказала какую-то пошловатую банальщину. С чего бы это? – По-твоему, все красивые женщины должны плакать из-за того, что нравятся мужчинам?

– Да нет же. Просто она хотела, я думаю, семьи. А с Семеном у нее не было никакого будущего. Да и жилья своего тоже не было.

– Так она устроилась в магазин своего любовника?

– Да, он ее взял. Поручил одной опытной женщине обучить ее всему, и уже очень скоро она стала получать проценты от продаж. То есть он положил ей, помимо оклада, еще и процент, и знаете почему? Потому что покупательницы шли именно к ней, и она обслуживала их так, как не могла обслужить ни одна из работающих там продавщиц.

– Вероятно, у нее начались конфликты с теми, кто там работал?

– Да, но она относилась к этому легко. К тому же она сама говорила мне, что все в их руках и что никто не мешает им работать так же, как и она. Понимаете, есть такие продавцы, которые как бы навязываются, нервируют покупательниц, ставят их в неловкое положение. С Лилей же все было иначе. И если раньше до ее появления в магазине все пробники выливались на голову самих продавцов или их подружек, то Лиля пользовалась ими исключительно для работы, щедро поливая духами потенциальных покупательниц. И они всегда возвращались к ней, покупали. И еще. Лиля научилась обращаться с дорогой косметикой, и когда покупательницы видели ее, такую красивую, накрашенную, то, пользуясь ее общительностью, всегда спрашивали, какой тушью или тенями пользовалась она сегодня, каким тоном помады, и прочее.

– В сущности, ты рассказала мне простые вещи. Но что принесла Лиле эта работа? Деньги? Удовлетворение?

– Ей нравилось находиться там, продавать хорошую косметику и быть на виду, на людях. Я думаю, что тот мир, в котором она оказалась, был таким разительным контрастом ее Хмелевке, что она долгое время испытывала прилив радости и жизненных сил, живя другой, как бы это выразиться поточнее, красивой, что ли, жизнью. И при этом ей хотелось сохранить самоуважение и не зависеть от мужчины.

– Что ж, за это ее можно только уважать, – согласилась с ней Рита. – Хотя, на мой взгляд, для такой девушки из глухой деревни желание быть независимой и работать, когда можно не работать, более чем удивительно. С другой стороны, она ведь могла выбрать для себя такую линию поведения, полагаясь именно на опыт своей прошлой, замужней жизни? Быть может, это было продиктовано страхом снова оказаться во власти мужчины и быть вынужденной терпеть в дальнейшем вероятную грубость? Неужели она была настолько дальновидна или просто умна, сильна? Ты не устала позировать?

9

Лиля лежала на новой кровати, под новым одеялом и плакала. Сейчас, когда она была одна и ее никто не мог видеть, разве что покойный муж, примостившийся где-то рядом, на стуле или на подоконнике, она могла позволить дать себе волю чувствам. Как же много всего произошло в этот день! Да мыслимо ли вообще выдержать такое живому человеку?

– Это тебе за твои грехи, – пьяно икнул где-то совсем рядом Виталий. – А ты как думала? Отрезала от себя кусок прошлой жизни, с кровью, можно сказать, с тиной, и теперь будешь жить себе чисто и правильно?

Она давно уже решила – не ввязываться в пустые разговоры с призраком. К тому же стоило ей только включить лампу, как он сразу же исчезнет и комната будет пуста. Но нога так разболелась, да и голова разламывалась от боли, а перед глазами, как в калейдоскопе, продолжали вертеться цветные картинки прожитых часов. Вот она идет по улице, легкая, чистая, с развевающимися волосами, и теплый ветер треплет полы короткой цветастой юбки, и мужчины, встречающиеся на ее пути, смотрят только на ее открытые ноги, на ее красивые стройные бедра и узкие щиколотки. И помыслы ее были такими же чистыми, как и ее тело (о душе она старалась не думать), ведь она собиралась найти работу. И как такое могло случиться, что каблук попал между каменными плитками, и она, такая нарядная и красивая, полная радостных сил и предчувствий, споткнулась и упала, в самом центре города, у всех на глазах?! Юбка задралась, она это почувствовала, потому что ветер, разрезавшись, поднял невесомую ткань вверх, обвиняя талию. Боль в ноге не давала несколько мгновений пошевелиться, и только спустя какое-то время, когда она, как показалось Лиле, утихла, она попыталась встать, оперлась рукой об острые раскрошенные камни плиток, битое стекло, пыль, грязь. Главным было одернуть юбку и подняться, чтобы на нее не глазели прохожие. Конечно, кто-то подошел, помог подняться. Рука нащупала что-то мягкое, округлое, быть может, что-то выпало из ее сумочки? И, думая, что именно выпало, она опустила взгляд и увидела, что это деньги. Как в кино, подумала она и улыбнулась. Сейчас на нее набросится милиция с криком: «Воровка! Держите ее!!!» Теперь, после того, что случилось в ее жизни, она должна жить в постоянном ожидании расплаты за содеянное. Это же так просто. И платить за свой грех она начала с тех самых пор, как приехала в город. Устроилась на квартиру, переночевала; казалось бы, как хорошо все складывается, и тут вдруг это падение с кровати. Она была уверена, что во всем городе в это утро с кровати не упал никто, кроме нее. И это только начало. Теперь еще одно падение. Вероятно, она сломала ногу. Плюс деньги, неизвестно откуда взявшиеся в куче пыли и строительного мусора. Она ожидала подвоха, но пока что кто-то очень заботливо усаживал ее в такси, говорил на ухо что-то хорошее, ласковое, словно ее уже давно ждали в этом городе, следили за каждым ее шагом и вот теперь, когда она споткнулась, все, кто был поблизости, бросились ей на помощь. Затем эта встреча в коридоре больницы, мужчина, который не сводил с нее глаз, его слова, обращенные к ней, его внимание, участие, номер телефона. Мужчина был слишком хорош, чтобы не быть подлецом. Ей показалось, что в самом конце коридора, в дурно пахнувшей лекарством и болью темени появилось бледное пятно: Виталий, помахавший ей голой рукой: мол, флаг тебе в руки, женушка! И откуда-то потянуло сладко тиной, тухлым болотцем... Ее чуть не стошнило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.